

№ 13, 15 и 21

ц. 10 к

САТИРИКОНЪ

1908

еженедѣльное
изданіе

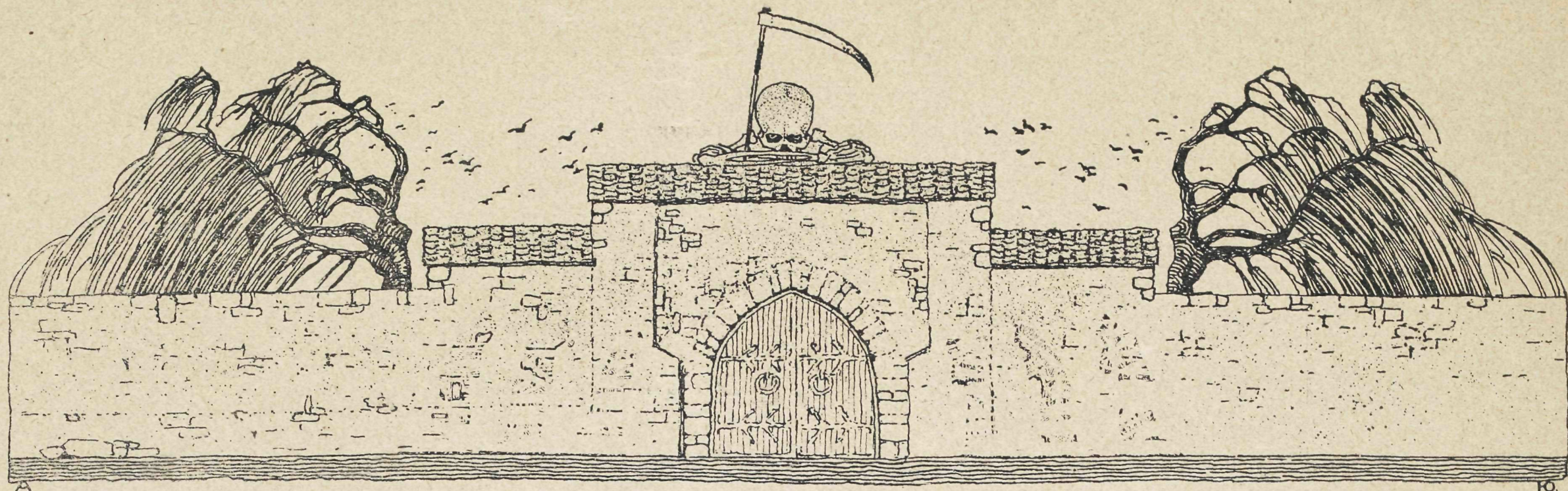
№ 1

ПОСВЯЩАЕТСЯ БОЛЬШИМЪ И МАЛЫМЪ ЗЕВЕСАМЪ.

Л. Бакстъ.

— Трижды будь прокляты жалкіе смертныи люди!
 Тщетно перуны мечу, снѣдаемый злобой и гнѣвомъ:
 Пойманы шпильками ихъ, падаютъ въ Лету они....
 Круто живетъ теперь, намъ, богамъ олимпійскимъ!

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.
(ДІАЛОГЪ).

Мы.—Читатель! Вооружившись безошаднымъ бичемъ сатиры, мы выступаемъ въ бой съ людскою неправдой, и торжествующимъ насиліемъ... Мы будемъ хлестко и безжалостно бичевать всѣ беззаконія, ложь и пошлость, которыя царятъ въ нашей политической и общественной жизни... Смѣхъ, ужасный, ядовитый смѣхъ, подобный жаламъ скорпионовъ будетъ нашимъ оружіемъ. Въ «Сатириконѣ», какъ въ зажигательномъ стеклѣ, мы сосредоточимъ жалкую и кошмарную дѣйствительность и силу ядовитой сатиры будемъ жечь сердца какъ пигмеевъ такъ и....

Читатель.—И все то ты врешь! Хорошими словами не надуешь: много мы ихъ слышали!... Знаешь что? Нельзя ли ближе къ дѣлу?

Мы.—Ого! Однако ты поумнѣлъ читатель! Тѣмъ лучше... Тогда мы сговоримся въ два слова... Вотъ, смотри: мы беремъ свою лѣвую руку и опускаемъ ее въ карманъ. Ты думаешь, за браунингомъ? Нѣтъ, у насъ совсѣмъ другая комбинація... Что?... Ну да,.... изъ трехъ пальцевъ.... Читатель! Пока, мы понимаемъ другъ друга. А тамъ видно будетъ!....

РАЗДУМЬЕ КРИТИКА.

(Посвящается В. Буренину).

— Бѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ
Въ адмиральскомъ чинѣ,
Не выпить ли водочки
По этой причинѣ?
Водочка откупрена,
Плещется въ графинѣ...
Не ругнуть ли Куприна
По этой причинѣ?
Травка Тимофѣева
Вздорожала нынѣ...
Проберемъ Андреева
По этой причинѣ.
У каймана нильскаго
Морда вѣчно въ тинѣ...
Не ругнуть ли Нильскаго
По этой причинѣ?
У боварца русаго
Подъ глазами сине...
Скажемъ «жидъ» про Брюсова
По этой причинѣ.

Въ формахъ тѣла женскаго
Много гибкихъ линий...
Проберемъ Каменскаго
По этой причинѣ.

Я вчера вуаль, манто
Видѣлъ на княгинѣ...
Не ругнуть ли Бальмонта
По этой причинѣ?

У попа у нашего
Огорченье въ сынѣ...
Хватимъ Арцыбашева
По этой причинѣ!

Воробью голубчику
Весело въ овинѣ...
Всыпемъ Сологубчику
По этой причинѣ.

Ну, Юшкевичъ въ Вѣнѣ, ну,
Не бываетъ нынѣ...
Смолкнутъ, чтоль, Буренину,
По этой причинѣ?—

Потемкинъ.

О. Шарлемань.

«ШЕСТАЯ ЧАСТЬ СВѢТА».

Хроника безпартийной газеты: «Мальчишка украсть съ лотка разносчика яблоко».

По этому поводу высказались газеты:

„Речь“—Реальная политика не позволяет намъ точно обосновать причины вышесказаннаго преступленія, но политическая конъюнктура указываетъ, что только культурная работа въ массахъ и открытіе потребительныхъ лавокъ могли бы уничтожить подобныя преступленія.

„Слово“—Мальчишка украсть яблоко... Красть, вообще, нехорошо и,—рискнемъ добавить—безнравственно! Гораздо лучше быть добродѣтельнымъ, слушаая, папу и маму. Дѣти, почитайте вашихъ родителей! Волга впадаетъ въ Каспійское море, а лошадь есть самое полезное животное!

„Петербургская газета“.

ПЕРЕДЪ ПРЕСТУПЛЕНІЕМЪ.

Стоялъ разносчикъ. Шелъ мимо мальчишка.

СОБЛАЗНЪ.

На лоткѣ лежали румяныя яблоки (8 к. дес.).

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Мальчишка схватилъ яблоко и побѣжалъ.

ПОГОНЯ И ПОИМКА ПРЕСТУПНИКА.

За мальчишкой погнался городской, бляха № 4711, и разносчикъ. На углу Литейнаго и Улицы Гоголя онъ былъ задержанъ.

ПОКАЗАНІЯ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

„Я шелъ въ Пассажъ, чтобы купить воротнички «Монополь» и запонки, какъ вдругъ...»

„Новое Время“—Иностранческое насилие выказывается даже въ мелочахъ: мальчишка среди бѣла дня крадетъ яблоко, а наше кадетствующее правительство и ухомъ не ведетъ. Намъ сообщаютъ, что во время кражи мимо проѣзжалъ извозчикъ-финнъ... Понимаемъ! Пока не будетъ обуздана Финляндія, толку не будетъ. Впрочемъ, флотъ намъ необходимъ.

„Русское Знамя“—«Труды партіи Народной свободы!» Жидовскій мальчишка украсть яблоко! Интересно, почему мальчишка не повѣситъ? Что? Онъ русскій? Ага! А разносчикъ жидъ? Ну, тогда повѣситъ разносчика, — пусть не вводитъ въ соблазнъ.

„Вѣче“—Мальчишка украсть яблоко и его патаму, што заприцають пагромы. Бели будить пагромъ,—каму придетъ въ голову красть какое-то яблоко!

Аге.

А. Юнгерь.

ФИЛАНТРОПІЯ.

— Мы голодны и наги... Помогите намъ прикрѣпѣть наготу.

Членъ общества охраненія народной нравственности.—Несчастные братья! Вотъ вамъ фиговый листикъ... Возьмите и благословляйте Провидѣніе!...

ГРОСФАТЕРЪ.

О. Шарлемань.

Allegro.

Быстрѣ Зефира
Твой движенья,
Прозрачнѣй эфира
Твой туалетъ.
И томенъ, и сладокъ,
И быстрѣ Гросфатеръ.
Ущельями складокъ
Прикрывъ Амуръ.

Andante.

Ахъ! Сердце мое стрѣлою его изранено.
Ахъ! Сердце мое любовью къ тебѣ ошуманено.
Ахъ! Очи твои—очи небесной пѣри.
Ахъ! Очи твои—къ блаженству райскія двери!...

Allegro.

И томенъ, и звученъ,
И быстрѣ Гросфатеръ.
Любовью измученъ
Твой кавалеръ.
Страданья поэту
Утѣшъ лобзаньемъ.
Воскликну я: «Нѣту
Счастливей боговъ».

Потемкинъ.

НЕ МЫТЬЕМЪ, ТАКЪ КАТАНЬЕМЪ.

— Вы привлекаетесь за то, что, идя по улицѣ, обронили свертокъ прокламаций.
— Да это не прокламаций, г. судья, а «Ночи Безумныя».
— Ну, тогда вы привлекаетесь за распространение порнографіи...
— Но поймите, что это не журналъ «Ночи безумныя», а ноты романса, который я хотѣла пѣть на вечерѣ!
— А-а... хорошо! Тогда вы будете привлечены за покушение на нарушение тишины и спокойствія.

ТРУДНОЕ ЗАГЛАВІЕ.

Я хочу, собственно, написать о разсѣянности.

То, что я напишу, будетъ для разсѣянныхъ людей вовсе не обиднымъ, потому что они, по разсѣянности, не прочтутъ этого.

Они, вообще, читаютъ мало, а если возьмутся за журналъ, то долго, въ тоскливомъ недоумѣніи, будутъ размышлять, почему какой то чудакомъ рѣшилъ напечатать весь текстъ вверхъ ногами, забывая, что привести журналъ въ нормальный, обычный для него видъ очень легко: стоитъ только еще разъ перевернуть все изданіе головой вверхъ...

Для обыкновенныхъ людей разсѣянный человѣкъ чистое мученіе: онъ надѣваетъ чужія калоши, иногда новыя—вмѣсто своихъ, цѣлуетъ чужихъ женъ, думая, что это его собственная, и всегда забудетъ то, что общалъ, или то, что ему поручили сдѣлать.

Я не настолько разсѣянъ, чтобы забыть, перейти отъ абстрактныхъ разсужденій къ конкретному случаю.

У меня есть такой. Самый нечѣпный. Именно—о порученіяхъ.

Я стоялъ у прилавка книжнаго магазина, покупая какую то книгу, когда вошелъ онъ—это несчастное растерянное существо, будто еще не успѣвшее оправиться отъ собственного рожденія, существо, еще болѣе жалкое оттого, что оно дѣлало видъ человѣка крайне памятливаго, увѣреннаго въ себѣ и сообразительнаго.

Этотъ человѣкъ подошелъ ко мнѣ и стремительно выпалилъ:

— Дайте мнѣ книгу!

Я удивленно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Я всего только покупатель.

— Отчего же вы стоите за прилавкомъ?

— Я стою не за прилавкомъ, а по сю сторону прилавка.

На него самая простая логика дѣйствовала мало. Онъ возразилъ:

— Такъ я, значить, долженъ пойти по ту сторону прилавка, и въ качествѣ покупателя, я буду по сю сторону, а вы, какъ противоположная сторона,—по ту сторону, въ качествѣ приказчика! видите?

Онъ хитро прищурился, думая, что поставилъ меня въ безвыходное положеніе, но въ это время подошелъ настоящій приказчикъ и спросилъ его:

— Что прикажете?

Тогда этотъ глупецъ расплылся въ широкую улыбку и сказалъ съ видомъ полного удовлетворенія:

— Да! Вотъ это настоящій!

— Что вамъ угодно?

— Дайте мнѣ книгу!

— Какую?

По лицу его пробѣжала судорога мучительнаго усилія и онъ смущенно выдавилъ изъ себя слова:

— Эту... самую...

— Какъ заглавіе?

— Дѣло въ томъ, что я... забылъ заглавіе! Я... это самое... можетъ быть, вспомню.

Приказчику проще всего было предложить удивительному покупателю стулъ и оставить его вспоминать хотя бы до вечера, но эта книжная крыса обладала, очевидно, добрымъ сердцемъ.

— Вы, можетъ быть, вспомните автора?

(Послѣ мы узнали, что авторомъ была Бичеръ-Стоу, а книга называлась „Хижина дяди Тома“).

— Нѣтъ, автора мнѣ едва ли ужъ вспомнить, но я твердо знаю, что главный герой—жгучій брюнетъ!..

„Критика“.

М. Добужинскій.

— Ну, это для книги не характерно... Мало ли мы встречаем в книгах жгучих брюнетов! Какъ его звали, по крайней мѣрѣ?

— Его звали... Позвольте! Ей Богу, я вспомнил! Его звали... Ахъ, ты, Боже мой! Это слово еще на обложкѣ почти каждой книги написано...

— Выпускъ?

— Э, къ чорту выпускъ! Ну, посудите сами: развѣ это мужское имя? Дайте мнѣ... ну хотя бы, полное собраніе сочиненій Тургенева!

Приказчикъ былъ въ полномъ недоумѣніи.

— Прикажете завернуть?

— Кого? Вы, положительно, невыносимы! Какъ же въ завернутыхъ книгахъ я найду это слово! Дайте любую... Ага! Вотъ эту.

Онъ торжествующе хлопнулъ ладонью по Тургеневу и воскликнулъ:

— Видите! Вотъ оно, это имя... Такъ и героя звали!..

— Томъ I? Что же онъ былъ король?

— Фу ты, наказаніе! Такой же, какъ я китаецъ! Кто вамъ сказалъ, что онъ король?

Онъ задумался и потомъ хлопнулъ себя радостно по лбу (очевидно, вспомнивши о „хижинѣ“).

— Да, я забылъ! Онъ былъ этимъ... какъ его... Домовладѣлецъ!

Приказчикъ тяжело дышалъ и волосы у него прилипли ко лбу. Онъ сталъ язвительнъ:

— Скажите, не припомните ли вы, въ какой части города стоялъ его домъ? И доходный ли онъ? И аккуратно ли платятъ жильцы, чортъ ихъ возьми! А? Отвѣчайте!

Этотъ человекъ не смутился, а утвердительно сказалъ:

— Этого не помню... Но онъ былъ чей-то родственникъ!

— Покажите мнѣ портретъ того негодяя, который не былъ бы чьимъ-нибудь родственникомъ!! Какого чорта толкуете вы тамъ о родственникахъ?!

— Онъ былъ ихъ дядя!

— Чей!?

— Ихъ... вообще!...

Приказчикъ скрежеталъ зубами.

Тогда я приблизился къ нему и сказалъ:

— Я, кажется, понялъ его: требуется „Хижина дяди Тома“... Дайте ему эту книгу и выбросьте его за дверь!!

— Да, да! Такъ меня и дѣти просили: „Хижина дяди Тома“!..

Онъ съ удовольствіемъ повторилъ эти три слова.

Я гнѣвно спросилъ его:

— Какого дьявола вы сразу не сказали, что Томъ — негръ? Что это еще за жгучій брюнетъ?!

Онъ ядовито подмигнулъ мнѣ и отвѣтилъ:

— Укажите мнѣ тогда хотя одного негра, который былъ бы не брюнетъ, а жгучій блондинъ?

И забывши заплатить деньги, онъ, сияющій, вышелъ съ книгой на улицу.

Аркадій Аверченко.

А. Остроумова-Лебедева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Еженедѣльный Литературно-Художественный журналъ сатиры и юмора

САТИРИКОН'

Въ журналѣ принимаютъ постоянное участіе:

Художники: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, И. Билибинъ, М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

Писатели: А. Аверченко (Аве), Вл. Азовъ, И. М. Василевскій, Л. М. Василевскій, Б. Вилли, К. Антиповъ (Зарницынъ), Яковъ Годинъ, Сергѣй Городецкій (Сатиръ), М. Кузьминъ, А. Кугель (Ното Novus), О. Л. Д. Оръ, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный, Тэффи, Н. Шебуевъ, Умановъ-Каплуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Ужъ-Чуженинъ), А. Яблоновскій, Федоръ Сологубъ и др.

Размѣръ журнала отъ 12—16 страницъ большого формата in folio. Журналъ печатается въ нѣсколькихъ краскахъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «САТИРИКОНА» (С.-Петербургъ, Невскій просп., № 9) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—5 руб., на 1/2 года—2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльнаго № повсемѣстно 10 коп.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Спб., Невскій пр. 9.

Редакторъ А. А. Радаковъ.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ГЛАВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

для Сѣверо-Западнаго, Прибалтійскаго краевъ, губ. Кіевской и гор. Одессы — газетная экспедиція Ф. Б. Давидсона. Спб., Забалканскій, 20; адресъ для телегр. Петербургъ-Газетная.

Цѣна объявленій: 40 коп. за строку нонпареля въ 1/4 стр.

ПЕРВАЯ В РОССИИ

Молочная Ферма Кровных
Швейцарских голых
безрогих Заанентальских
Коз

Ф.Ф. Шолов и В.А. Лучинский
Спб. Ст. Петергофск. пр. №38, кв. 9,

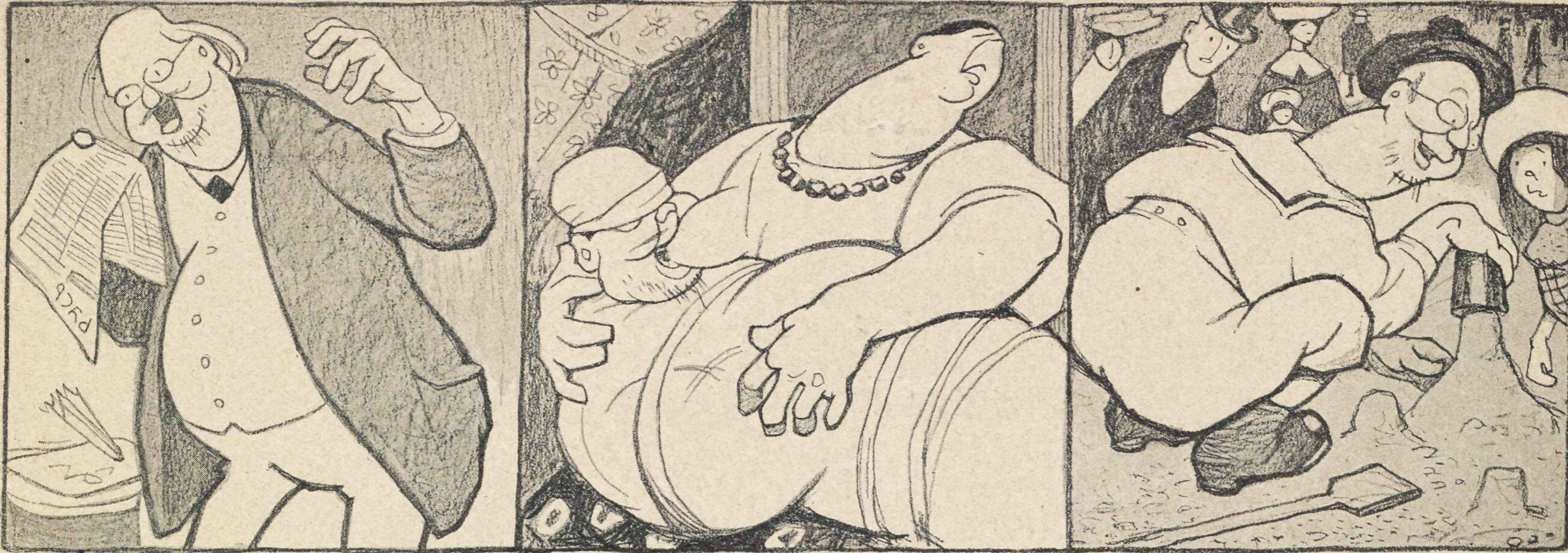
Рис. Ре-Му.

КАКЪ Я СТАЛЪ ГЕНИЕМЪ.

(По М. Волошину. Русь.).

Дѣтямъ ли учиться у взрослыхъ или взрослымъ у дѣтей?
М. Волошинъ.

А. Радаковъ.

— Я прочелъ фельетонъ М. Волошина: и возликовалъ. Я, старый исписавшійся академикъ - классикъ, посмѣшище критиковъ, ужасъ выставокъ, врагъ публики, другъ академіи, асфальта изводитель, могу стать гениемъ. Диктовать законы молодежи! О...

— Оказывается, что „гении это только тѣ, которые сдумали не вырости“. Впадаю въ дѣтство. Радикально мѣняю образъ жизни. И чувствую, что съ каждымъ глоткомъ спадаетъ съ меня холодная чешуя. классицизма. Брюловъ вылѣзаетъ изъ души моей, Бруни не сжимаетъ мозгъ мой. Чувствую, что начинаю понимать и любить лапти передвижниковъ.

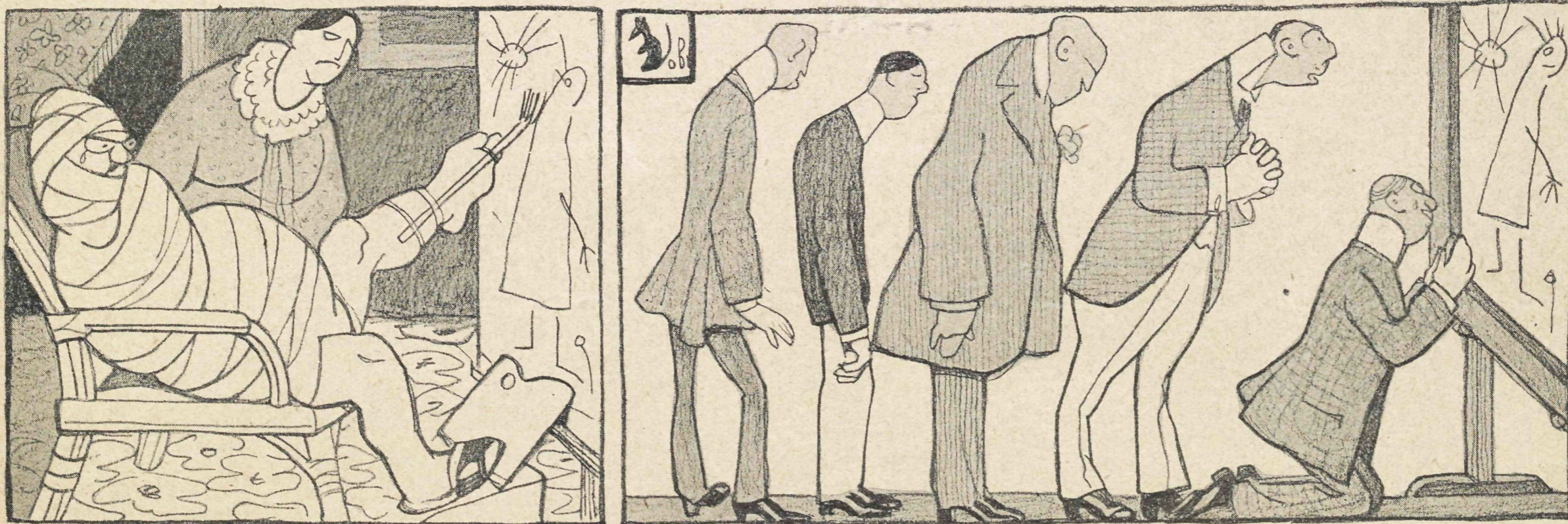
— Играю съ дѣтьми въ песочекъ. Сбылись великія слова М. Швоба, „что большіе придутъ учиться, играть къ дѣтямъ. Художники вѣдь это только дѣти, которыя не разучились играть“. И я играю, играю и съ каждымъ новымъ пирожкомъ чувствую, что спадаетъ съ души моей дерюжная пелена передвижниковъ и мощно, и властно вѣдряются въ нее мистическіе образы символистовъ...

— Въ 8 часовъ вечера въ рубашеночкѣ я выбѣгаю къ гостямъ прощаться. Дѣлаю ручкой и сюсюкаю: „зѣнушка, зѣнушка, сколо аистъ намъ пливесеть блатца“. И чувствую, всей душой чувствую, что съ каждымъ словомъ слетаетъ съ души моей болѣзненная мистика символистовъ и воцаряются въ ней радостно и ликующе божественныя примитивы XII вѣка.

— Пвотъ, насталъ великій день. Кончились очистительныя испытанія. Берусь за кисть. Творю. О, Максъ Волошинъ, помоги мнѣ, спаси меня! Но все же Бруновъ водитъ рукой моей, попрежнему Бруни шепчетъ мнѣ академическіе трафареты. Проклятіе!!!!

— И бѣжалъ въ паническомъ страхѣ на улицу я, старый, исписавшійся академикъ, посмѣшище критиковъ, ужасъ выставокъ, врагъ публики, другъ академіи, изводитель асфальта. Бѣжалъ я, академикъ, ничего не видя и не слыша, и наѣхалъ на меня моторъ, и искалѣчилъ меня академика.....

— Пвотъ, искалѣченный, съ разбитой душой, съ отрубанными руками, забинтованный, я писалъ, ибо я былъ настоящій академикъ.

Первый модернистъ. — О ты! не смѣшавшій золото искусства съ оловянными и свинцовыми сплавами бездарныхъ умотованій взрослыхъ, слава тебѣ!
Второй модернистъ. — О ты! красоту примитива черезъ призму индивидуальности пропустившій, слава тебѣ!!
Просто эстетъ. — О ты! не поглупившій до уровня взрослыхъ, безумство гения съ запахомъ пеленки совокупившій, слава тебѣ!!!
Эстетъ-квѣтистъ. — О ты! дней нашихъ Ботичели—болѣе того Миліоти, слава тебѣ!!!!
Поюгъ хоромъ литургію міровой красотѣ.

SOLITUDO

А. Юнгеръ.

Это не было сходство, допустимое даже въ лѣсу,—это было тождество, это было безумное превращеніе одного въ двоихъ.

(Л. Андреевъ. „Проклятіе звѣря“).

Всѣ въ штанахъ скроенныхъ одинаково,
При усахъ, въ пальто и въ котелкахъ.
Я похожъ на улицѣ на всякаго
И совсѣмъ теряюсь на углахъ...

Какъ-бы мнѣ не обмѣняться личностью:
Онъ войдетъ въ меня, а я въ него—
Я охваченъ полной безразличностью
И боюсь рѣшительно всего...

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелокъ! Растерзаю пиджакъ!...
Я завидую каждой отдѣльной букашкѣ,
Я живу, какъ послѣдній дуракъ!...

Въ лѣсѣ! Къ озерамъ и дѣвственнымъ елямъ!
Буду лазить, какъ рысь по шершавымъ стволамъ.
Надоѣло ходить по шаблоннымъ панелямъ
И смотрѣть на подкрашенныхъ дамъ!

Принесетъ мнѣ ворона швейцарскаго сыра,
У заблудшей козы надою молока,
Если къ вечеру станетъ прохладно и сыро,
Обложу себѣ мохомъ бока.

Тамъ не будетъ газетныхъ статей и отчетовъ;
Можно лечь подъ сосной и немножко повить,
Иль украсть изъ дупла вкуснопахнущихъ сотовъ,
Или землю отъ скуки порыть...

А настанетъ зима—упираться не стану:
Буду голодень, сирь, малокровень и голъ —
И пойду къ лейтенанту, къ пріятелю Глану:
У него даровая квартира и столъ.

И скажу: «Лейтенантъ! Я—россійскій писатель,
Я безъ паспорта въ лѣсѣ изъ столицы ушелъ,
Я усталъ, какъ собака, и, вѣришь, пріятель,
Какъ семьсотъ аллигаторовъ золь!»

Люди въ городѣ гибнутъ, какъ жалкіе слизи,
Я хотѣлъ свою старую шкуру спасти.
Лейтенантъ! Я бѣжалъ отъ безмысленной жизни
И къ тебѣ захожу по пути»...

Мудрый Гланъ ничего мнѣ на это не скажетъ,
Принесетъ мнѣ дичины, вина, творогу...
Только пусть меня Гланъ основательно свяжетъ,
А иначе—я въ городъ сбѣгу.

Саша Черный.

САМОБЫТНОСТЬ.

(Изъ телеграмъ Росс. Телегр. Аг-ва).

Конотопъ. Городская дума вноситъ предложеніе о широкой организаціи чествованія Льва Толстого.

Конотопъ. За распространеніе сочиненій Льва Толстого трое посажено въ тюрьму.

Кобеляки. Администрація категорически предписала общественнымъ и частнымъ учрежденіямъ чествовать Льва Толстого.

Кобеляки. За распространеніе сочиненій Льва Толстого семеро посажено въ тюрьму, двое умерли.

Ялта. Подъ угрозой, въ случаѣ отказа, ссылки въ отдаленныя мѣста Сибири ген. Думбадзе предписалъ чествовать Льва Толстого.

Ялта. За выставленіе въ окнахъ книжныхъ магазиновъ портрета Льва Толстого ген. Думбадзе закрылъ магазины. Книгопродавцы высланы въ отдаленныя мѣста Сибири.

Аге.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ЗАТОЧЕННАГО ГЕНЕРАЛА.

Понедѣльникъ.

Служу. Все сажу и сажу.

Иногда, въ опредѣленные дни, принимаю соединенную армію интервьюеровъ и репортеровъ, явившихся на развѣдки.

Ихъ вылазки неотразимы. Я это знаю и потому, чтобы не терять даромъ свои боевыя силы, не пытаюсь бороться съ ними, а слѣдуя своей излюбленной тактикѣ—отсиживаюсь.

Надолго ли меня хватить? Я сталъ тѣнью, хотя все еще рвусь въ бой!

Вторникъ.

Сегодня сдѣлалъ вылазку.

Вылѣзъ во дворъ и осмотрѣлъ позиціи.

Наше положеніе ужасно!

Хотѣлъ заглянуть въ полисадникъ, но, вспомнивъ, что на Лейтенантской недалеко отъ моста выставлены передъ арсеналомъ пушки и мортиры, воздержался.

Видѣлъ караульныхъ солдатъ. Они вооружены съ головы до ногъ (даже на ногахъ сапоги) и повидимому рвутся въ бой.

Каждый вечеръ кормлю голубей на подоконникѣ. Жирные стали канальи! Подкормлю еще, а тамъ посмотримъ. При случаѣ за одну штучку можно дѣлковый содрать.

— Вы, держаще въ рукахъ номеръ «Сатирикона», смотрите на этотъ портретъ и слушайте! Вотъ передъ вами пройдетъ полжизни человѣка... Облѣ онъ маленькимъ — такимъ маленькимъ судебнымъ репортеромъ... никто не зналъ его. Но заглянулъ однажды въ «Бездну» и навсегда ужасъ застылъ въ глазахъ его. И смѣялся съ тѣхъ поръ онъ только леденящимъ кровъ «Краснымъ смѣхомъ». Смѣялся въ «Тьмѣ» и въ заревѣ пожаровъ «Царя-Голода»... Смѣялся взваливъ себѣ на плечи задачу большого, смѣшного, наивнаго великана — отстрадать за все человѣчество! Радуйтесь, вы, держаще въ рукахъ номеръ «Сатирикона»! Радуйтесь, что такой человѣкъ — вашъ современникъ...